

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 70—77
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.7

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 70—77
ББК 63.3(2)521-69-75
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.7

**РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СРЕДЕ ГОРЦЕВ В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ
(В контексте реформ Шамиля)**

О. С. Мутиева

Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru

Исследуется общая направленность некоторых мер имама Шамиля по регулированию семейно-брачных отношений в среде горцев в условиях Кавказской войны. Анализ источников по данной теме свидетельствует, что законотворческая деятельность имама была обусловлена рядом обстоятельств патриархального и военного быта горцев. Отмечается, что Шамиль, вводя низамы жизнедеятельности, редактировал многие положения шариата и исходил из конкретной ситуации в Имамате.

Важное место в реформах Шамиля занимали вопросы, касающиеся положения женщины-горянки. Делается вывод о том, что под влиянием этих реформ ее положение укрепилось как в семье, так и в обществе. Все рассматриваемые вопросы освещаются с привлечением литературных и архивных материалов.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, Имамат, семейно-брачные отношения, женщина-горянка, низам, шариат, адат, калым.

**REGULATION OF THE FAMILY RELATIONS
AMONG THE MOUNTAINEERS IN THE CONDITIONS
OF THE CAUCASIAN WAR
(In the context of Shamil's reforms)**

O. S. Mutieva

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala,
Republic of Dagestan, Russian Federation, mutiewa.oksana@yandex.ru

The article examines the general direction of some of Imam Shamil's measures in the regulation of the family relations among mountaineers under the Caucasian War conditions. The analysis of the sources on the topic shows that the legislative activity of the Imam was due to several circumstances peculiar to the patriarchal and military life of the highlanders. The author notes that Shamil, introducing the nizams of life, edited many of the provisions of Sharia, and proceeded from the specific situation in the Imamate.

An important place in Shamil's reforms was devoted to the questions regarding the situation of women living high in the mountains (goryanka). It is concluded that under the influence of Shamil's reforms the situation of women improved, both in the family and in society. The author analyzes these issues making use of literary and archival materials.

Key words: The Caucasian War, Imam Shamil, Imamate, family relations, woman mountaineer, Nizam, Sharia, adat, dowry.

Присоединение Дагестана к России и начавшаяся вскоре Кавказская война оказали непреодолимое воздействие на народы Кавказа, подвергнув существенной деформации функционирующую веками традиционную систему общества.

Одним из ярких периодов Кавказской войны является период Имамата Шамиля (исламское государство, 30—50-е гг. XIX в.), который внес ряд специфических черт в уклад жизни народов Северного Кавказа.

В историографии различные аспекты, связанные с реформами Шамиля, нашли отражение в трудах дореволюционных историков, публицистов, военных (см., напр.: [Романовский, 1860; Комаров, 1868; Семёнов, 1895; Руновский, 1989]). По словам Д. И. Романовского, имаму Шамилю, который «соединил в себе редкие дарования воина и администратора», пришлось внедрять в жизнь новые порядки, меняя веками существующие законы и традиции [Романовский, 1860: 334]. Безусловно, не все нововведения Шамиля были по душе народу, привыкшему веками жить согласно обычаям своих предков. Как справедливо отмечает дагестанский историк Х.-М. О. Хашаев, «Шамилю приходилось вести войну на два фронта — против царских войск и против жителей многих селений, которые отказывались подчиняться ему» [Хашаев, 1987: 87].

Попытки вытеснить адаты (обычай) с целью расширения сферы применения мусульманского законодательства встречали как непонимание, так и открытое сопротивление горцев, в связи с чем Шамиль вынужден был редактировать многие положения шариата и ввести собственные низамы (постановления). Они регламентировали всю административную, хозяйственную, военную и быденную

жизнь горцев Имамата, в том числе и брачно-семейные отношения. В низамах Шамиля нашли законодательное закрепление правовые нормы, так или иначе затрагивавшие статус женщины: о размере калыма, брачном возрасте, похищении девушек с целью женитьбы, многоженстве, бракоразводных делах, наследовании и пр. Следует отметить, что низамы Шамиля, основанные на адате и шариате (мусульманское право), действовали параллельно с имперским правом, закрепленным в Уставе об управлении инородцами 1822 г., а в последующем подтвержденным в Своде законов Российской империи. В царствование Николая I имело силу Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.).

Интересны в законотворческой деятельности Шамиля установки, касающиеся похищения девушек. Учитывая, что в традиционном горском обществе умыкание девушек было делом вполне привычным и народ усматривал в этом древний обычай, муллам под страхом строгих наказаний запрещалось оформлять брак между похитителем и похищенной девушкой. Эти установки распространялись на случаи не только насильственного похищения девушки, но и побега молодых из дома по обоюдному согласию. Как свидетельствуют письменные источники, при невыполнении данных установок мулла ожидала неминуемая кара, как минимум, они могли рассчитывать на тюремное заключение [100 писем Шамиля, 1997: 78]. Следует сказать, что такая практика была характерна в целом для Северного Кавказа и применялась вплоть до революции 1917 г. Так, например, материалы архива, представленные кабардинским исследователем А. Х. Абазовым, свидетельствуют, что в 90-х гг. XIX в. за незаконное оформление браков «представителей мусульманского духовенства подвергали штрафам в размере 200 руб. и высылке из общества сроком на 3 года» [Абазов, 2014: 7].

Основным же наказанием за похищение девушек было изгнание виновного (если произошло насильственное похищение) или виновных (если произошло похищение по обоюдному согласию) из села в качестве канлы (кровник), а также штраф, размер которого зависел от желания обиженной стороны. Как видим, здесь по-прежнему соблюдались нормы адата, а не законы шариата, которые применялись при решении дел, касающихся семейных отношений, завещаний и наследства.

Надо отметить, что и в имперском законе были существенно упорядочены и дополнены нормы, связанные с преступлениями против семьи (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и в новой редакции от 1885 г.). В частности, в разделе XI «О преступлениях против прав семейственных» (глава «О противозаконном вступлении в брак») были сгруппированы преступления, касающиеся принуждения к вступлению в брак. В отдельных статьях указывались различные противозаконные способы вступления в брак. В частности, в ст. 2040 говорилось, что кража невесты является преступлением против брака, поэтому споры, связанные с «похищением девушек для вступления в брак», не могут быть урегулированы примирением сторон (см.: [Таганцев, 2012: 352, 353]).

Важное место в реформаторской деятельности Шамиля отводилось вопросам, затрагивающим размер калыма. Это было обусловлено тем, что в Имамате остро стояла проблема бракосочетания из-за высокого выкупа за женщин — калыма. Нередки были случаи, когда по данной причине люди до преклонных лет не могли создать семью, что и приводило к похищению девушек и, как следствие,

к кровной мести. Имам Шамиль был вынужден на территории Имамата регламентировать размер калыма. Как правило, он составлял 10—20 руб., но по соглашению сторон эту сумму можно было сокращать бесконечно [Халилов, 1991: 101—102; 100 писем Шамиля, 1997: 216].

Памятники обычного права народов Дагестана свидетельствуют, что величина калыма варьировалась в зависимости от знатности человека и договоренности сторон. В частности, исследователь Д. М. Шихалиев на примере кумыков показывает обусловленность размера калыма сословной принадлежностью человека и приводит следующие сведения: «Женитьба стоит князю 720 рублей серебром калыма, кроме мелочных расходов. Уздень платит калыму от 200 до 100 рублей, средний класс и чагары от 100 до 50 рублей серебром» [Шихалиев, 1993: 98]. Х.-М. О. Хашаев отмечает: «По искони существующему обычаю беки шамхальской крови дают засватанной от 600 до 1000 рублей альхаму, смотря по достоинству родителей ее, готовят из лучших шелковых материй, парчи и бархата, брачную для невесты одежду, подушки пуховые, одеяла, занавесы и пр., дарят для услужения ей 2 рабов или 2 рабынь (которые называются бельгисыр)...» [Хашаев, 1987: 209]. Более состоятельные сала-уздени и князья должны были в счет калыма давать еще оседланного коня, который, как сообщает Н. С. Семёнов, «стоит 50 и более рублей и который поступает в пользу отца, или заместителя его, или кого-либо из родственников, а у князей и первостепенных узденей в пользу эмчеков (молочный брат. — О. М.)» [Семёнов, 1895: 209]. Во второй половине XIX в. стоимость калыма значительно увеличивается за счет платков, сахара, тканей, лошадей и др. [там же].

По свидетельству С. Ш. Гаджиевой, у кумыков, кроме калыма, будущий муж должен был уплатить своей будущей жене еще и «кебингакъ» (закрепленная за женщиной часть имущества), который являлся гарантией того, что жена не останется без средств существования в случае развода или смерти мужа [Гаджиева, 1961: 271]. Для сравнения приведем некоторые данные и по другим дагестанским народам. Так, например, относительно «кебингакъ» у аварцев мы читаем следующее: «...эта сумма в разных аулах была разная — несколько ратлов медных денег и т. д., но в большинстве аулов — 60 руб. серебром» [Хашаев, 1987: 271]. У даргинцев в качестве «кебингакъ» «всякий жених при женитьбе отделяет кусок земли (ценою от 100 до 200 рублей) для невесты на случай, если впоследствии прогонит ее» [НФ ИИАЭ]. Лакцы как «махр» вносили от 30 до 90 руб. (в зависимости от селения) или отводили земельный участок [Булатова, 1971: 11]. Что касается уплаты «кебингакъ» на подконтрольных Шамилю территориях, то следует отметить: его величина была небольшой и за соблюдением этого строго следили. Указывая на данный факт А. В. Комаров пишет: «Шамиль, видевший в браке залог благосостояния горцев, всеми силами старался способствовать легчайшему заключению браков и потому старался об уменьшении кебина; так, в селениях Гимра, Харикуни и других, бывших вблизи нашей передовой линии, из которых мужчины часто попадали в плен или были убиваемы при набегах и где потому число женщин значительно превышало число мужчин, кебин-хакк был весьма незначителен, от 25 коп. до 1 рубля» [Комаров, 1868: 52].

Не менее интересны в законотворческой деятельности Шамиля положения низамов, которые касались бракоразводных дел. В традиционном дагестанском

обществе инициатива при заключении брака и разводе принадлежала исключительно мужчинам. Безусловно, это приводило к злоупотреблениям их данным правом. Имам отрегулировал и бракоразводные дела, издав «правила, защищающие имущественные права разведенной женщины», чем укрепил ее положение как в семье, так и в обществе [100 писем Шамиля, 1997: 33]. Шамиль заставил мужчин при разводе возвращать женам их калым и все то, что они принесли с собой из отцовского дома. Положение Шамиля гласило, что муж, пробывший наедине с женой несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна. А если в браке были рождены дети или жена была в положении, то муж должен давать содержание детям до их совершеннолетия, а жене — до выхода замуж. Если же жена уходила от мужа будучи беременной, то он обязан материально содержать ее до рождения ребенка [там же]. В случае, если дети оставались с матерью, отец должен был их обеспечивать до совершеннолетия. Но необходимо отметить, что у многих народов Дагестана и Чечни, дети после развода, как правило, оставались с отцом.

Особо следует сказать о правовых нововведениях Шамиля, которые касались вопросов наследования женщинами имущества. Основываясь на священном Коране, имам наделил женщину правами, дающими ей возможность наследовать общесемейное имущество, в том числе и недвижимое. В итоге с введением норм шариата замужняя женщина могла претендовать на выделение части наследственного имущества после смерти отца, что, безусловно, укрепляло ее материальное положение. Некоторые женщины, апеллируя к шариату и имперскому праву, пытались получить наследство и от мужа, но добивались его очень редко. Видимо, традиционные взгляды оказывались все же сильнее новых правовых норм.

В низаме Шамиля «О наследстве» говорится, что правом на наследство обладают абсолютно все дети мужского пола. В то же время те, кто получили это наследство, должны обеспечивать детей женского пола до совершеннолетия [там же]. На наследников ложились и другие обязанности — выдать девушек замуж, а если они оставались на их иждивении, заботиться об их благополучии.

Среди радикальных нововведений Шамиля, касающихся женщин, следует отметить и практику «принуждения к замужеству засидевшихся в девках», продиктованную стремлением власти решить проблемы демографического характера в условиях затянувшейся войны [ЦГА РД]. Подтверждение этому мы находим в «Военном сборнике» за 1859 г., где имеется материал следующего содержания: «Мера эта, принятая Шамилем по случаю значительного уменьшения народонаселения вследствие истребительных войн, носила на себе характер чисто вынудительный и состояла в том, чтобы каждая девушка в известное время года по достижении совершеннолетия должна была избирать себе жениха и выходить замуж» [Шамиль и Чечня, 1859: 142]. Заметим, что «ослушницам угрожалось заключение в яму, причем допытывались, кого они любят. В случае согласия названных лиц заключались браки, в противном же случае отыскивали других женихов» [там же].

Учитывая то, что в традиционном дагестанском обществе брачные отношения имели патриархальный характер, необходимо сказать: проявление девушкой инициативы в выборе мужа, безусловно, не вписывается в стереотип кавказской женщины и свидетельствует об архаичности данной практики. Так, например, в некоторых аварских и цезских селениях представители общинной

администрации регулярно опрашивали девушек брачного возраста, незамужних женщин и вдов, за кого они желали бы выйти замуж (выбор мог пасть и на уже женатого мужчину). Вдов заставляли выбирать себе мужей, причем мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые остановили на них свой выбор. По инициативе сельской общины специально утвержденная старейшинами комиссия из пяти-шести человек периодически составляла список вдов и вдовцов в селениях. Руководствуясь этими списками, совет старейшин предлагал вдовствующей паре создать новую семью, что и осуществлялось в подавляющем большинстве случаев [Лугуев, Магомедов, 1994: 112]. Названные в ходе подобного опроса лица мужского пола могли отказаться от брака лишь при уплате штрафа довольно солидного размера (зерном, мукой или курдючным салом, шедшими в доход общества). Право развестись с нежеланной женой им предоставлялось только после оговоренного срока. Бывали и курьезные моменты, когда по приказу Шамиля в качестве поощрения за нежелание жить с женщиной в браке мужу в момент его заключения «выплачивали... двадцать туманов» [100 писем Шамиля, 1997: 86].

Ко всем этим мероприятиям Шамиль относился весьма серьезно, понимая их важность для решения демографической проблемы. Поэтому всю ответственность за реализацию данных мероприятий он возложил на наибов, которые и должны были заботиться «о заключении наивозможно большего числа браков между жителями вверенных наибств» [Клингер, 1856]. Некоторые исследователи, давая оценку нововведениям Шамиля, объясняют их не столько стремлением улучшить демографическую ситуацию, сколько проявлением заботы о незамужних горянках: «...более тридцати лет, с времен почтенного шейха Мансура, в непрерывных войнах мы теряем лучших своих сыновей. А у нас не то что вдовам — подрастающим девицам вскоре не за кого будет выходить замуж» [Казиев]. Безусловно, практика «принуждения к замужеству засидевшихся в девках» свидетельствует об архаичности данного обычая, к которому рационально прибегнул имам Шамиль в связи с объективной необходимостью военного времени.

Нововведения Шамиля затронули и категории пленного населения. В частности, особое значение имам придавал вопросам, касающимся браков обращенных пленников и горянок. По свидетельству А. И. Руновского, эта сторона быта настолько занимала Шамиля, что он распорядился на территории Имамата селить в отдельные дома обращенных в ислам семейных пленников [Руновский, 1989: 136].

Таким образом, можно сделать вывод, что законодворческая деятельность имама Шамиля характеризовалась общей направленностью мер на регулирование семейно-брачных отношений. Это было обусловлено рядом обстоятельств как патриархального, так и военного характера. Вводя низамы жизнедеятельности, он был вынужден редактировать многие положения шариата, которые шли вразрез с традиционным укладом жизни горцев. Видя в крепкой семье залог сильного и здорового общества, Шамиль отрегулировал бракоразводные дела, регламентировал размер калыма, запретил похищение невест, разрешил многоженство. Результаты исследования показали, что, принимая те или иные законы, затрагивающие интересы женщины, Шамиль в первую очередь руководствовался конкретной социальной ситуацией, отражающей реалии повседневной жизни.

Библиографический список

- Абазов А. Х. «Брак умыкания» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 3—9.
- Булатова А. Г. Лакцы (XIX — начало XX века): историко-этнографические очерки. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1971. 194 с.
- Гаджиева С. Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 352 с.
- Казиев Ш. М. Имам Шамиль. URL: <http://www.rulit.me/books/imam-shamil-read-257006-73.html> (дата обращения: 17.10.2016).
- Клингер И. А. Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 97.
- Комаров А. В. Адагы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавк., 1868. Вып. 1. С. 1—88.
- Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы (XIX — начало XX в.): историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1994. 246 с.
- НФ ИИАЭ (Научный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.
- Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб.: Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1860. 460 с.
- Руновский А. И. Записки о Шамиле. М.: Внешторгиздат, 1989. 178 с.
- Семёнов Н. С. Очерки народных обычаев кумыков Терской области // Семёнов Н. С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. Хомского и К^о, 1895. С. 249—344.
- 100 писем Шамиля. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1997. 294 с. (Памятники письменности Дагестана; вып. 1).
- Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. М.: Кн. по требованию, 2012. 926 с.
- Халилов А. М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 182 с.
- Хашаев Х.-М. О. Памятники обычного права Дагестана. Махачкала: Изд-во Даг. науч. центра РАН, 1987. 113 с.
- ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. 33. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.
- Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. № 9. С. 121—164.
- Шихалиев Д. М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. 144 с.

References

- Abazov, A. Kh. (2014) “Brak umykaniia” kak institut sotsionormativnoĭ kul’tury kabardintsev v poslednei chetverti XIX v. [“Marriage abduction” as a institute of socio-normative culture of the Kabardians in the last quarter of the XIX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—9.
- Bulatova, A. G. (1971) *Laktsy (XIX — nachalo XX veka)*: Istoriko-ĕtnograficheskie ocherki [Laks (XIX — beginning of XX century)], Makhachkala: Izdatel’stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Gadzhieva, S. Sh. (1961) *Kumyki*: Istoriko-ĕtnograficheskoe issledovanie [Kumyks: Historical and ethnographic research], Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR.
- Khalilov, A. M. (1991) *Natsional’no-osvoboditel’noe dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza pod predvoditel’svom Shamilia* [The national liberation movement of highlanders of the North-Eastern Caucasus led Shamil], Makhachkala: Daguchpedgiz.

- Khashaev, Kh.-M. O. (1987) *Pamiatniki obychnogo prava Dagestana* [Monuments customary rights of Dagestan], Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Komarov, A. V. (1868) *Adaty i sudoproizvodstvo po nim* [Adat and proceedings thereon], in: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*, iss. 1, Tiflis: Tipografiia Glavnogo upravleniia namestnika kavkazskogo, pp. 1—88.
- Luguev, S. A., Magomedov, D. M. (1994) *Bezhtintsy (XIX — nachalo XX v.): Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Bejtince (XIX — early XX c.): Historical and ethnographic research], Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Romanovskii, D. I. (1860) *Kavkaz i Kavkazskaia voina* [Caucasus and the Caucasian War], St. Petersburg: Tipografiia Tovarishchestva "Obshestvennaia pol'za".
- Runovskii, A. I. (1989) *Zapiski o Shamile* [Notes on Shamil], Moscow: Vneshtorgizdat.
- Semënov, N. S. (1895) *Ocherki narodnykh obychaev kumykov Terskoï oblasti* [Essays folk customs have Kumyks Terek region], in: Semënov, N. S. *Tuzemtsy Severo-Vostochnogo Kavkaza*, St. Petersburg: Tipografiia Khomskogo i K^o, pp. 249—344.
- Shamil' i Chechnia (1859) [Shamil and Chechnya], *Voennyi sbornik*, no. 9, pp. 121—164.
- Shikhaliiev, D. M. (1993) *Rasskaz kumyka o kumyках* [The story of a Kumyk about Kumyks], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Tagantsev, N. S. (2012) *Ulozhenie o nakazaniakh ugovovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [The Code of criminal and correctional penalties of 1885], Moscow: Kniga po trebovaniu.
- 100 pisem Shamilia* (1997) [100 letters of Shamil], Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.

Статья поступила 21.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Мутиева Оксана Саидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Humanities, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation).